

Ллойд Варнер обещает посвятить четвертый том своей серии «специальному изучению социальной организации современного предприятия», а том пятый — «тем представлениям, которые возникают у американцев, когда они думают о себе и своем поведении». На основании уже изданных «трудов» новой школы можно заранее представить себе, что современное предприятие будет обрисовано так же «хорошо организованным», как и описанное уже полицейское бюро, а думы американцев — посвященными превосходству янки над другими нациями и оправданию захватнической политики капиталистической верхушки США.

Можно, однако, задать вопрос: каких непосредственных целей достигает описанная нами «школа», действительно ли осуществлена задача лучшего познания современного общества в целом и отдельных городских общин, в частности? Что касается последнего, то цель явно не достигнута. Автор обзора о современном состоянии американской этнографии Бетти Меггерс заявляет, что, наоборот, «даже трудно представить себе американский город, вообще хорошо нам известный, когда он описан в форме статистических таблиц»⁸. Но американская обзорательница неправа, когда она далее пишет, что из работ новой школы нельзя сделать никаких выводов. Хотя авторы не формулируют этих выводов, последние тем не менее достаточно прозрачны. За громоздкими таблицами четырехзначных индексов «беспристрастных» исследователей — представителей модного направления в американской этнографии — кроется стремление к утверждению незыблемости различных видов социального неравенства, обусловленного якобы расовой неполноценностью и законами «неизменной» человеческой природы.

Авторы «серии Янки-Сити» посвящают ее Корнелиусу Крэнну — «нашему благородному благодетелю, другу и коллеге в области социальной антропологии в знак невыразимой благодарности за его глубокое и полный участия интерес к нашей работе». Это трогательное посвящение, очевидно, соответствует интимной связи между одним из хозяев капиталистической Америки и группой дипломированных лакеев, стремящихся на новый лад, в перекроенной по новому фасону ливрее услужить своим господам, по-новому обосновать и закрепить их владычество.

Реакционная направленность значительной части современных американских ученых не могла не привести к научному оскудению современной американской этнографии. Это становится ясным и для наиболее добросовестных представителей американской науки. Упомянутая выше Бетти Меггерс в своем обзоре ставит под вопрос «общепринятое положение о больших успехах американской этнологии за последние десятилетия» и заканчивает грустным выводом: «Надо признать, что мы отступили далеко назад от позиций, достигнутых в первые полвека развития этнологии в Америке». Такая деградация вполне закономерна для науки, ведущее направление которой поставило ее в услужение англо-саксонскому расизму и господству монополистического капитала США.

Б. Шаревская

E. D. Chapple and C. S. Coon, *Principles of Anthropology*, New York, 1942, X + 718.

Авторы в предисловии пообещали читателю «описать полностью и систематически принципы антропологии, какими они являются в 1942 г.»⁹. Если бы авторы в какой-либо мере выполнили это обещание, хотя бы в части американской антропологии, их книга имела бы известный интерес. Вместо этого они занялись пространным изложением своей собственной теории, очень далекой от науки, но не лишенной любопытных деталей. Интересно, прежде всего, пренебрежительное отношение авторов к антропологии XIX в. По их словам, она была лишь источником «интересных» сведений о та называемых «примитивных» народах, сведений, «пригодных лишь для того, чтобы занимать гостей, приглашенных к обеду». Она была «продуктом роскоши», так как «антропологи не могли перенести свои обобщения на наше собственное общество». В отличие от исследователей XIX в. наши авторы считают основным объектом изучения антропологии их собственное, т. е. капиталистическое, общество, ибо, пишут они, «хотя мы очень компетентны в отношении нашей окружающей среды благодар развитию и применению физики и химии, мы еще мало что знаем о человеке и также неспособны контролировать наши судьбы, как и наши примитивные современники». Задачей антропологии авторы считают «контролирование наших собственных судеб» определяют ее как науку об отношениях между людьми. Основные виды человеческих отношений они усматривают в половых сношениях и в заботе о беспомощном ребенке и считают поэтому, что «семья является основной группировкой человеческих существ». Этим они, хотя и невольно, характеризуют принципы новейшей американской антропологии, которой свойственно изучение личности вне общества, сведение социальных проблем к проблемам семейным, физиологическим и психопатологическим.

⁸ Betty Meggers, *Recent Trends in American Ethnology*, «American Anthropologist», 48, 1946, 2, стр. 194.

⁹ Напомним, что в англо-американской литературе под термином антропология понимается этнография; антропология в нашем смысле называется там физической антропологией.

Но авторы хотят внести нечто «новое» в эту концепцию, и без того уже не сулящую больших научных успехов. Они утверждают, что человеческие отношения можно «измерять» и что в качестве меры здесь могут служить единицы времени. Но при этом предупреждают авторы, необходимо учитывать все «переменные». Авторы иллюстрируют важность последнего обстоятельства примером одного из основных, по их мнению, человеческих отношений, а именно — ссоры между мужем и женой. Муж и жена, пишут они, ссорятся при вполне определенных условиях, и «степень» их ссоры и ее возможные результаты могут быть предсказаны с той же точностью, с какой мы при повороте выключателя предсказываем зажигание электрической лампочки. Однако, продолжают авторы, «если мы не учтем, что в лампочке перегорел волосок или что при ссоре присутствует теща, то мы не учтем очень важную переменную, и это опрокинет успех наших предсказаний». К сожалению, пообещав «измерить» отношения между людьми, авторы не выполнили и этого обещания и даже, повидимому, вскоре забыли о нем. Это и немудрено, потому что задачи, за разрешение которых они затем взялись, и без того достаточно велики. Они поставили себе целью объяснить, каким образом и для чего возникли орудия труда, виды хозяйства, формы общества, социальные институты и обычаи, наука, религия, язык и как они взаимодействуют друг с другом. При этом они не ограничиваются изучением какого-либо одного народа, но говорят сразу обо всех народах земного шара, ибо ищут универсальные законы для всего человечества. Это, однако, не значит, что они привлекают к изучению большой практический материал. Знания их в этом отношении очень ограничены, и они не столько приводят примеры, сколько придумывают их, черпая материал для своей фантазии главным образом из области семейных отношений. В основе всех выводов авторов лежит абстрактное понятие «человеческого индивида», лишенного каких бы то ни было социальных характеристик. Этот «индивид» начинает «реагировать» на окружающую обстановку и создает при этом различные явления культуры.

По словам авторов, «человеческие отношения являются функцией человеческого организма». Сущность же человеческого организма, как и всякого другого, в том, что он должен все время находиться в «равновесии», в неизменном состоянии: сохранять постоянную температуру и т. д. Чтобы достичь этого, «все организмы, человеческие и другие, должны все время приспосабливаться к изменениям, происходящим в окружающей их обстановке». Таким образом, для понимания отношений между людьми необходимо изучить организм человека и окружающую его обстановку, которую авторы подразделяют следующим образом: «1) человеческие существа, между которыми имеет место взаимодействие, и 2) внешние силы и объекты, к которым организм также (!) должен приспосабливаться». Человек приспосабливается к окружающим его природным условиям прежде всего путем создания предметов материальной культуры. Например (!), он строит себе жилище. Значение жилища авторы, естественно, видят только в том, что «человек может поддерживать внутри жилища температуру в 70° по Фаренгейту, тогда как снаружи будет 30° ниже нуля. Далее, он может содержать внутренность жилища в сухом состоянии, тогда как снаружи идет дождь или снег». После этого идет описание различных типов жилищ. Точка зрения авторов, однако, настолько поверхностна, что они не в состоянии провести различие даже между временными и постоянными жилищами (и те и другие защищают от холода и непогоды!). Они указывают только, что в постройке жилища наиболее активное участие принимают собственник жилища (!) и его жена. Для защиты от холода и непогоды человек создает также (!) одежду (следует описание того, из каких материалов и каким образом изготавливается одежда) или просто садится поближе к огню. «Это универсальный обычай среди всех народов — сидеть вокруг огня, особенно в холодные вечера». Относительно огня, однако, авторы придерживаются не вполне определенной точки зрения «Человеческие существа могут, конечно, жить и без огня, — пишут они, — так как многие семена люди могут есть сырыми, а в некоторых областях достаточно тепло и без огня».

Затем авторы переходят к описанию того, каким образом люди приспосабливаются друг к другу и в связи с этим создают свои институты и обычаи. Авторы описывают различные виды производства, которые требуют взаимодействия людей и отсюда пытаются вывести социальные институты. При этом они подходят к производству только со стороны его технологии и не могут установить действительной связи между способом производства, с одной стороны, и формой общества — с другой. Так, например, они пишут, что собиранием растений и мелких животных каждый человек может заниматься отдельно, «подобно горилле или другому низшему примату». Тем не менее, к великому удивлению авторов, «собиратели обычно работают группами». С какой же целью? — спрашивают авторы и отвечают: «Просто с целью взаимодействия друг с другом, то-есть за компанию». Единственное, что могут сказать авторы о социальном строе собирателей, — это то, что «человеческие отношения между индивидами (позволительно спросить у авторов, какие еще могут быть отношения между людьми, кроме человеческих?), практикующими собирание, остались на самом простом уровне». Для земледелия и скотоводства авторы отводят одну небольшую главу, «так как эти активности близко родственны», объясняют они. Однако они не забывают упомянуть и о различиях, «которые обусловлены отличием природы животных от природы растений». Дело оказывается в том, что животные все время пере-

двигаются, а растения стоят на месте (!). Поэтому, «животные требуют постоянного внимания, растения же, как правило, нет». Домашних животных авторы классифицируют следующим образом: 1) домашние животные, которых нужно убить, чтобы использовать, и 2) домашние животные, которых не нужно убивать, чтобы использовать. Нетрудно видеть, что авторы смотрят на производство с точки зрения потребителей, а не ученых.

Производство, по мнению авторов, хотя и играет важную роль, однако, не является решающим фактором в деле приспособления человека к окружающей его обстановке. Решающий фактор они видят в обмене продуктами, в торговле. Экономическими институтами они называют поэтому только те, которые основаны на торговле. С этим, в частности, связано и положение авторов, гласящее, что «ключ к прогрессивному развитию нашей сложной современной мировой цивилизации лежит в области транспорта». Верные себе, авторы не проводят, конечно, границы между обменом, возникшим на основе различия природных условий, и обменом, возникшим на основе общественного разделения труда, и сводят все дело к процентам. У туземцев Австралии обмен, по их расчетам, развит на 10%, а в Западной Европе — на 90%. Это подтасовывание фактов необходимо им для того, чтобы утверждать, что все люди «могут производить добавочный продукт, перевозить его и обменивать». Авторы, конечно, не говорят (хотя и знают об этом), что в классовом обществе одни люди производят «добавочный» продукт, а другие его присваивают. Вся книга их написана с той целью, чтобы скрыть сущность отношений между людьми в классовом обществе, убедить читателей, что в нем нет отношений эксплуатации, что прибыль капиталиста создается в процессе обмена, что классовое общество ничем не отличается от доклассового. Недаром авторы утверждают, что, «если антрополог делает какие-либо выводы относительно примитивных народов, эти выводы должны быть отнесены равным образом и к нашему собственному обществу». Авторы не скрывают того, что целью их теории являются отождествление классового общества с доклассовым. «Если читатель,— пишут они,— будет руководствоваться теми приемами и принципами, которые мы предлагаем, он придет к тем же результатам, что и мы, независимо от того, какое общество он изучает».

Наконец, авторы переходят к описанию социальных институтов и различных форм идеологии. О стиле этой части их книги можно судить по следующей цитате: «Мы говорим о любви к отцу, любви к матери, любви к детям, супружеской любви, любви к королю или вождю, как если бы это были особые формы эмоций... Но изучение действительных физиологических актов показывает нам, что в каждом из этих случаев имеют место одни и те же процессы». Ясно, что семья, по мнению авторов, обусловлена необходимостью половых сношений и заботы о ребенке. Они готовы поэтому называть половой акт «семейной техникой», но, глубокомысленно замечают они, «он (половой акт) имеет место и в домах терпимости, которые являются экономическими институтами». Отсюда читатель, очевидно, должен сделать вывод, что половой акт в доме терпимости является «экономической техникой». На этой стороне описаний авторов мы не будем останавливаться, укажем только, что эти описания — не оригинальны, а заимствованы у получившего скандальную известность Вильгельма Райха и ему подобных. Укажем также, что семья, по мнению авторов, является основой всех институтов, что кузенный брак вытекает из отношений между двумя семьями, что род — это расширенная семья и что «максимум расширения семьи — это племя, конфедерация, нация». Посмотрим теперь, как трактуют авторы «политические институты», т. е. организацию управления в узком смысле этого понятия, исключаящем управление на основе родства. Авторы начинают с рудиментарных форм «управления» у обезьян, у которых они находят «непостоянных вождей». То же (!) — у эскимосов, андаманцев, бушменов. Затем, «когда необходимость в вожде становится постоянной», возникают, естественно, «постоянные вожди». Отсюда, при помощи неверного положения, что каждый политический институт связан у всех народов с географическим фактором, авторы переходят к классовым обществам и начинают самым высоким слогом воспевать американскую «демократию». Последняя, оказывается, лучше всех других форм управления позволяет организму человека приспособиться к окружающей его обстановке. Более того: в Америке, утверждают авторы, нет классов. «В большинстве европейских стран классы продолжают существовать по сей день... 150 лет назад они имели место и в Соединенных Штатах... К настоящему времени классовые различия совершенно исчезли, вопреки мнениям некоторых авторов». Единственное, что, по мнению наших авторов, еще осталось от того времени, — это «классовые различия между белыми и неграми». Но эти различия являются результатом «импорта группы народа в страну, в которой экономикой и политикой управляет другая группа», и сохраняются они лишь потому, что существуют «очень заметные физические различия между этими группами». Вот к чему привела авторов их так называемая «социометрия», вернее, вот для чего она была им нужна. Классов нет, а то, что есть, возникает из потребностей человеческого организма: семья, племя, государство, тресты, концерны, войны и т. д. Можно лишь пожалеть о том, что авторы начали сразу с человеческого организма. Некто Рэдфильд в том же 1942 г. издал сборник статей различных авторов, где даны, по словам Лесли Уайта, «описания социальной органи-

зации, охватывающие очень широкую область, от одноклеточных организмов до современного человека, включая дикарей, обезьян, кур, мышей, насекомых и т. д.» (*American Anthropologist*, 1943, стр. 477). Из статей Лесли Уайт лучшей считает ту, где развитие социальной организации прослежено «от молекулярной организации, с одной стороны, до современного общества, с другой» (там же).

Наши авторы любят рисовать схемы. Они приводят схему «отношений» между элементами нервной системы человека, схему отношений между членами семьи, схему отношений между членами племени, нации (последние суть, по их мнению, расширенные семьи). Они пишут: «Политические и религиозные институты выросли из них (т. е. семей) путем распространения их (т. е. семей) личного состава за пределы семьи. Это же относится и к экономическим институтам». Сначала, утверждают авторы, предприниматель действует один, затем он привлекает к делу своих сыновей, затем — лиц, стоящих «за пределами семьи». Исходя из этих предположений, авторы рисуют схему отношений между служащими и рабочими обувной фабрики, торгового дома и т. п. И, что самое замечательное, ни в одной из этих схем мы не найдем капиталиста. Все это очень любопытно и даже, если угодно, очень забавно, только, вопреки утверждениям авторов, отнюдь не ново. Около 100 лет назад подобными вещами занимался некий Рошер, которому Маркс уделил следующее подстрочное примечание: «Господину профессору следовало бы знать, что процесс капиталистического производства не изучают в детской, в обстановке, где нет главного действующего лица — капиталиста» (*Капитал*, т. I, стр. 242, прим. 9). Эти слова Маркса сохраняют свое значение и в данном случае.

Все идеологические категории и явления авторы также выводят непосредственно из биологических стимулов и рефлексов. «Символ» (т. е. идеологическое явление) ни в коей мере не отражает объективной реальности. Значение «символа» лишь в том, что он перекидывает мост между стимулом и рефлексом. Процесс произвольного выбора «символа» авторы называют процессом «эмблемизации». Они пишут: «Выбор данного стимула является результатом повторения в контексте... Шофер, например, после двух или трех случаев, привыкает останавливать машину при звуке определенного вида свистка». Но шофера можно приучить останавливать машину и по световому сигналу, и т. д. Свисток может стать «символом» для любой stimulus-response situation. Дело лишь в том, что индивидум должен быть к нему приучен (conditioned). Такой подход к явлениям идеологии позволяет авторам с молниеносной быстротой разрешать самые сложные проблемы. Сколько времени бились этнографы над вопросом о значении австралийской чуринги, авторы же решают этот вопрос необычайно легко, без особого напряжения органа их «символической» деятельности: в период обрядов инициации юноши должны общаться только с мужчинами, и «символом» этого ограничения является чуринга. С такой же «простотой» и неубедительностью решаются вопросы языка, искусства и т. д.

С внешней стороны книга представляется довольно бесформенной. Она распадается на 5 частей, которые никак не связаны друг с другом. В 1-й части трактуются вопросы строения и работы человеческого организма. Во 2-й — вопросы географические («географические основы человеческих отношений») и тут же характеризуются различные явления материальной культуры как средства «приспособления» человека к географическим условиям, 3-я часть посвящена социальным институтам, преимущественно, конечно, семье. В 4 и 5-й частях характеризуются год общим термином «символы» такие явления, как магия, искусство, наука, игры, война, законы и т. д. Трудно все эти вопросы объединить под одним общим заглавием. Поэтому авторы и избрали термин «антропология», давно уже переставший иметь в Америке определенное значение. Но и здесь им не повезло: собственно антропологи говорят, что лучше бы в заглавии поставить слово «этнология» или «этнография» (*American Journal of Physical Anthropology*, vol. 29, 1942, № 2, 334), а этнографы говорят, что лучше бы употребить термин «культурная антропология» (*American Anthropologist*, 1943, № 3, стр. 473). Мы думаем, что название лучше оставить прежнее, чтобы по ошибке не заглянуть в эту книгу еще раз.

Н. Бутинков

A. L. Kroeber, *Configurations of Culture Growth*, Berkeley and Los Angeles, 1944, X + 882.

Крэбер в этой книге оставляет область этнографии и переходит в область истории. Здесь о каждом явлении культуры известно, где и когда оно возникло, и можно поэтому установить не только географические ареалы распределения культурных явлений (чем Крэбер довольствовался раньше), но и «ареалы» распределения их во времени, или, говоря языком Крэбера, их «конфигурации». Ибо культура, как указывает Крэбер в предисловии, распределена во времени неравномерно, она сосредоточена лишь в определенных, к тому же небольших отрезках времени. Задача, которую ставит перед собой Крэбер, заключается в том, чтобы при помощи нехитрых приемов, суть которых изложена им в первой главе, выяснить «конфигурации» культуры, взяв за основу сначала отдельные части культуры, с тем, чтобы проследить их судьбу во всем мире во все времена, а затем — отдельные нации, с тем, чтобы про-